

Романтизм: литература на стыке эпох и культур

(посвящается 200-летию со дня рождения великого поэта-романтика Николоза Бараташвили)

В грузинской литературе романтизм утверждается в начале XIX века. Его становление и развитие проходят на фоне процессов пробуждения национального самосознания и поисков независимости, политических надежд и разочарований в новом для Грузии колониальном статусе части Российской империи.

Несмотря на сложные амбивалентные политические процессы, уже на раннем этапе своего развития грузинский романтизм, сопрягаясь со знаковыми для европейского романтизма традиционными темами и мотивами, органически вписывается в общемировое романтическое русло.

Определяющая метафора эпохи романтизм - «чувствительный интеллект». Субъективное познание мира (Кант), богатое воображение (Гегель, Шеллинг), синтез чувств и разума, поиск причинно-следственных связей (Кант, Колридж) – вот принципы, декларируя которые, романтизм осуществлял демаркацию своих эстетических границ. Однако знаковые для романтизма общеэстетические границы всегда корректировались реальными историческими границами (Гердер), что, прежде всего, подразумевало специфику национального пространства, его конкретные исторические, культурные и лингвистические проявления. Одной из центральных идей романтизма как раз и было развитие национального сознания – подчеркивание местных проблем, традиций и обычаев. Это не только способствовало распространению романтизма в европейском и мировом масштабе, но и изменению карты Европы на фоне культурных процессов национального самоопределения и поисков новой идентичности. Благодаря подобной направленности, романтизм: 1) волнообразно инициировал литературный процесс во многих европейских и неевропейских странах; б) объединил под общеэстетическим знаменем европейские и мировые культурные процессы; в) выявил существующие между национальными моделями романтизма различия.

К культурно-антропологическим результатам приобщения к общеэстетическим принципам следует причислить симилярность знаковых для романтизма концептов (свободаличностного «Я», стремление к неосуществимым идеалам, отчуждение от реальности, люцеферианство, мистицизм, эсхатологический настрой), тем (любовь, одиночество, печаль, сопереживание природы), жанров (малые лирические жанры, поэма) и поэтических форм, а также удивительную симилярность основных вех жизненного пути основных его представителей. Поэты-романтики еще при жизни создают похожий на литературную аналогию их творчества собственный миф. Роль и функция поэта как гениальной личности крайне экзальтирована, он – эпицентр микромира, в котором существует и который ему тесен.

Авторов эпохи романтизма роднит не только стиль жизни или мотивация и форма смерти, но и устремленные к транснациональному диалогу общеэстетические принципы. Перенесенные на национальную почву общие культурные цели не только выявляют общность, но и подтверждают различия. Причины различий, существующих между моделями романтизма, следует искать именно в пределах национальных моделей: в генеалогии, общественной позиции, чувстве национальной принадлежности, окружении – тех улицах, домах и литературных салонах, где бурлили питавшие воображение и фантазию романтиков чувства и страсти. Синтезировав критерии национальной и литературной идентичности, романтизм возвел литературный канон на новую ступень.

Поэзия грузинского поэта-романтика Николоза Бараташвили выросла на лучших традициях европейского романтизма. Кроме характерных для высшей ступени развития мирового романтизма основных тем, четко выделяемых в поэзии великих романтиков – Шелли, Байрона, Мицкевича, Лермонтова и других, грузинский поэт обращается к одной из узловых идей романтизма – возрождению национального самопознания, лейтмотивом звучащей в его поэзии и мироощущении. В поэзии Бараташвили знаковые для европейского романтизма существенные эстетические принципы и мотивы – превалирование индивидуализма, мифологизм, религиозная глубина, фольклорные архетипы, сопереживание природы – органически сочетаются с идеей национального самоосознания, национальными устремлениями и традициями, что не только соответствует основным культурным тенденциям европейского романтизма, но и существенно расширяет его географическую карту за счет включения грузинской национальной модели; обогащает общеромантическую поэтику грузинским мироощущением, мифологическими архетипами, религиозными чувствами, ландшафтами. Поэзия Бараташвили подтверждает, что даже при наличии общих культурных тенденций их влияние на парадигмы развития отдельных литератур проявляется не только на уровне симилярности, но и на уровне различий, обусловленных конкретным национальным контекстом, общественными целями, степенью включения личности в этот контекст, ее ролью и многим другим. Именно симилярность и различия обусловили ценность поэзии Бараташвили для европейского и мирового романтизма.

Романтизм охватил все сферы европейской и мировой культуры. Это был вдохнувший революционный дух в культуру и литературу феникс, восставший из пепла революции. Кометой пронесся романтизм в небе мировой культуры; ему всегда сопутствовала сложность и неоднородность внешнего контекста, чувство протеста, боль, разочарование, бунтарство, радикализм, поиск, горение, пламя самосожжения, стремление к смерти, как обязательному условию перехода к жизни в «ином» - потустороннем мире... И все это лишь подтверждало его уникальность и силу.

Ирма Ратиани